

МЕМОРИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Наталья Белевцева, Инна Королева

Мемориальная библиотека музея в том виде, в котором она сложилась к 1917 году, насчитывала 9 тысяч томов. Сюда вошли книги на одиннадцать языках, включая английский, французский, немецкий, польский, чешский, болгарский, шведский, латинский, японский и иврит. Книжное собрание сформировалось благодаря широкому читательскому и творческим интересам семей Энгельгардтов, Боратынских, Путят, Тютчевых, Аксаковых и Сушковых.

Состав библиотеки разнообразен. Наряду с сочинениями, типичными, характерными для русской усадебной библиотеки вообще (поваренные книги, собрания карточных пасьянсов, домашние лечебники), здесь сосредоточено большое количество изданий, свидетельствующих о широте интересов его обитателей: русская и зарубежная классика XVIII—XIX столетий, книги по мировой истории и географии, духовная литература, естественнонаучные трактаты, словари и справочники.

О богатстве библиотеки времен Л.Н. Энгельгардта рассказывает Н.В. Путята в письме из Муранова к другу-библиофилу С.Д. Полторацкому в августе 1840 года: «В хорошую погоду греюсь на солнце, а в дурную удаляюсь в огромную деревенскую библиотеку, составленную из всех переводных и оригинальных на русском языке романов прошлого столетия. Какое тут собрание неподражаемых рыцарских, сентиментальных, забавных и всякого другого рода повестей и рассказов!»

К сожалению, книг из этой «огромной деревенской библиотеки» сохранилось совсем немного. Например, такие реликвии, как «Месяцеслов» на 1836 год с молитвой, вписанной от руки, и Библия на французском языке (лондонское издание 1811 года) с записями владельца о рождении и смерти детей, как это принято было в дворянских семьях. Знаменитые «Записки» Л.Н. Энгельгардта, руко-

пись которых была обнаружена в мурановском амбаре, представлены в мемориальной библиотеке в разных изданиях 1860-х годов.

Старшая дочь Л.Н. Энгельгардта, А.Л. Боратынская, после смерти мужа (1844) покидая мурановский дом, увезла с собой книги поэта и, возможно, часть библиотеки отца.

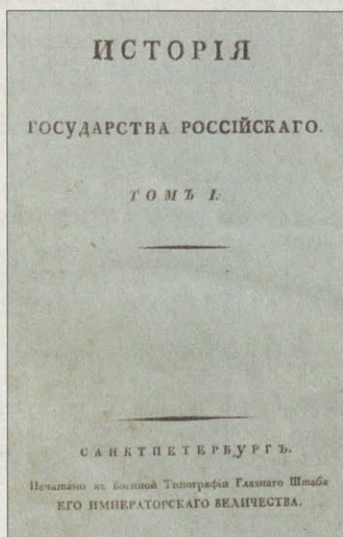
Во времена Путят собрание пополнялось путем подписки на журнал П.И. Бартечева «Русский архив», выходивший с 1863 года. В нем публиковались документы и материалы по истории России и русской литературы XVIII—XIX веков. Именно на страницах этого издания были напечатаны «Записка» Н.В. Путяты о А.С. Пушкине, письма Е.А. Боратынского к Н.В. Путяте, переписка Ф.И. Тютчева и воспоминания о нем. К 1917 году старанием И.Ф. и О.Н. Тютчевых в Муранове был собран весь комплект этого журнала.

При И.Ф. Тютчеве, сыне поэта, в Муранове собираются воедино привезенные из разных мест книги его ближайших родственников. В 1874 году сюда привезли часть библиотеки Ф.И. Тютчева. Позднее — книги матери Ивана Федоровича Эрнестины Федоровны и его старших сестер — Марии, Анны, Екатерины, Дарьи.

После смерти зятя Тютчева И.С. Аксакова его вдова Анна Федоровна в 1886—1887 годах перевозит в Мураново обстановку московского кабинета Ивана Сергеевича и часть его библиотеки. С тех пор здесь хранятся сочинения И. Аксакова, его родственников и единомышленников.

Иван Федорович был юристом и собрал богатейшую юридическую библиотеку (более 700 томов).

Книги Сушковых (не менее 350 томов) были привезены в Мураново из с. Варварино Владимирской губернии (имения Е.Ф. Тютчевой). Это, в частности, подборка журнала «Revue Etrange» (19 томов за 1834—1839 гг.), духовная литература и произведения самого Н.В. Сушкова.

Н.М. Карамзин. «История государства Российского». Том I. Титульный лист

«Славянофильский шкаф» И.С. Аксакова

Следующее поколение мурановских книголюбов — внуки Ф.И. Тютчева: Николай Иванович и Федор Иванович. Первый собирал книги по генеалогии, библиографии, истории усадеб. Второй любил путешествовать с книгой в руках, поэтому в Муранове целое собрание путеводителей, изданий по географии и историческим достопримечательностям.

Книги переходили от старших владельцев к младшим. В мемориальном собрании есть четырехтомник «Исторических мемуаров» принцессы de Lamballe — одной из главных жертв Французской революции. На титульных листах всех томов владельческая надпись Л.Н. Энгельгардта: «Engelhardt», а на форзацах — экслибрис внуков Ф.И. Тютчева: «Из собрания Тютчевых».

К сожалению, изданий самого Ф.И. Тютчева

сохранилось немного — всего сорок наименований. Почему так мало? Тютчев был занятым читателем и почитателем книг, но не их хранителем, не был ни коллекционером, ни библиофилом. Федор Иванович легко давал свои книги близким и знакомым, причем не беспокоился об их возвращении. То немногое, что осталось, сохранялось вдовой и детьми.

Так уцелела Библия на французском языке (La Sante Bible <...>) с примечательной надписью рукой матери поэта, адресованная четырнадцатилетнему сыну: «Папенька твой желает, чтобы ты говел. Прости! Христос с тобою. Люби Его!»

Из книг Тютчева на русском языке сохранился «Словарь академии Российской» в шести частях, изданный в 1806—1822 годах. Это второе издание того самого «Академического словаря» времен Екатерины II, о котором упоминает А.С. Пушкин в «Евгении Онегине».

Забываясь о духовном развитии своих дочерей, Тютчев дарил им сочинения русских и зарубежных классиков, философов и ученых. Это книги Тургенева,

Монтеня, Паскаля и других авторов. «Хрестоматию» французской поэзии (Лозанна, 1857) предваряет его трогательная надпись, обращенная к 25-летней Дарье: «Да оградит тебя божественное Провидение, моя милая дочь, и да благоволит Оно обратить к твоему счастью все, что есть в тебе лучшего... И люби меня всегда. Веве 28 сентября / 10 октября 1859 г. Ф. Т.».

Большую часть этого собрания составляют книги по истории, в частности, по истории церковных отношений. Сочинение известного французского писателя и государственного деятеля А.-Ф. Вильмена (1790—1870) о средневековом папе-реформаторе Григории VII, вышедшее в свет в начале 1873 года, Тютчев читал незадолго до кончины. На форзаце рукой Эр-

нестины Федоровны сделана надпись на французском языке: «Последнее чтение Ф. Т.».

Большое место в собрании отведено русской художественной литературе. Здесь мы видим первое издание сатир А.Д. Кантемира (1762), «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева в лондонском издании Герцена (1858), академическое издание произведений Г.Р. Державина под редакцией Я.К. Грога, собрание сочинений Пушкина (прижизненные отдельные издания «Кавказского пленника», «Полтавы», «Евгения Онегина», «Стихотворений» и посмертное издание под редакцией В.А. Жуковского), А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и многих других.

Хранятся в библиотеке журналы и альманахи, издававшиеся в 1820-х — 1830-х годах: «Полярная звезда» К. Рылеева и А. Бестужева (1823—1825, все три книги); «Северные цветы», собранные бароном А. Дельвигом (СПб., 1825—1831); московские издания: «Уrania» и «Московский вестник» М.П. Погодина; «Русский архив» (1863—1917) П.И. Бартенева. Сюда же относятся и славянофильские газеты и журналы, принадлежавшие И.С. Аксакову: «Московский сборник», «Молва», «Русская беседа», «День», «Русь».

Обратимся к тем изданиям русской классической литературы мемориального мурановского собрания, которые, по имеющимся сведениям, вызвали особый интерес у семей Боратынских, Путят, Тютчевых. Из семейной переписки, писем к друзьям, воспоминаний современников мы узнаем об их отношении к появлявшимся в печати произведениям.

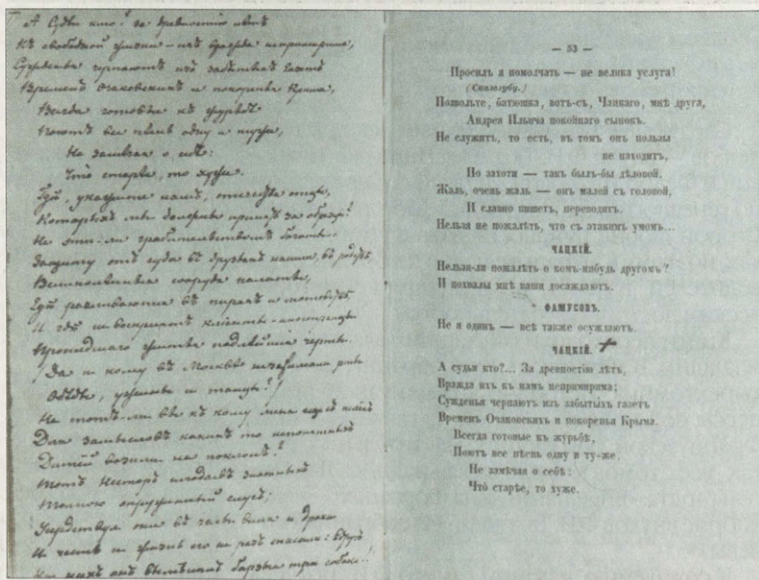
В Муранове хранится экземпляр первого полного издания романа Пушкина «Евгений Онегин», увидевшего свет в 1833 году в Петербурге. По мере завершения Пушкиным отдельных глав они появлялись в печати маленькими книжками. В октябре 1827 года появились первые три главы романа. А месяц спустя из своего тамбовского поместья Мары Боратынский благодарит Н.А. Полевого, издателя «Московского телеграфа», за присылку этих глав: «Получил я, любезный Николай Алексеевич, <...> «Онегина» <...> Какая прелесть! Какой слог блестящий, точный и свободный! Это рисовка Рафаэля, живая и непринужденная кисть живописца из живописцев».

В январе — начале февраля 1828 года были напечатаны IV и V главы романа в стихах. Самому Пушкину Боратынский пишет в марте 1828 г.: «Вышли у нас еще две песни «Онегина». Каждый о них толкует по-своему: одни хвалят, другие бранят, и все читают. Я очень люблю обширный план твоего «Онегина»; но большее число его не понимают. <...> Высокая поэтическая простота твоего создания кажется им бедностью вымысла, они не замечают, что старая и новая Россия, жизнь во всех ее изменениях проходит перед их глазами». Так встретил это «самое задушевное» произведение Пушкина его современник и друг.

В Муранове сохранился уникальный экземпляр издания комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (СПб., 1854), принадлежавший Н.В. Путяте. Известно, с каким интересом были встречены списки комедии, ходившие по рукам еще задолго до появления ее в печати. С просьбой прислать «Горе от ума» обращается к Путяте Боратынский в письме из Финляндии в марте 1825 года: «Очень меня обяжешь, если исполнишь свое обещание и пришьешь «Горе от ума». Не понимаю, за что москвичи сердятся на его комедию и на Грибоедова: «титул ее очень утешителен для них и содержание отраднo». Современники называли комедию «светской библией».

Осенью 1825 года Тютчев впервые прочитал «Горе от ума» в списке, привезенном родственником поэта Д.И. Завалишиным. Этот список был сделан с подлинной рукописи Грибоедова. «Привезенным мною экземпляром «Горе от ума», — рассказывает Завалишин, — немедленно овладели сыновья Ивана Николаевича

А.С. Грибоедов. «Горе от ума». СПб., 1854.
Книга с рукописными вставками Н.В. Путяты

Хранятся в Муранове и произведения И.С. Тургенева: «Записки охотника» (М., 1852); «Повести и рассказы» в трех томах (СПб., 1856); «Сочинения. 1844—1864» в пяти томах (СПб., 1865).

Семья Тютчевых познакомилась с И.С. Тургеневым и его творчеством в 1840-х годах. Осенью 1849 года поэт с женой присутствовал на вечере у В.Ф. Одоевского, на котором М.С. Щепкин читал драму Тургенева «Нахлебник». Сообщая об этом П.А. Вяземскому, Эрн.Ф. Тютчева пишет: «Мой муж находит, что эта вещь отличается захватывающей и совершенно трагической правдой».

В сентябре 1852 года, по прочтении книги Тургенева «Записки охотника», Тютчев сообщает жене: «...Я только что прочел два тома Тургенева «Записки охотника», где есть чудные вещи. Тут проявляется такая сила таланта, что благодатно на меня влияет, любовь к природе действует на меня, как откровение. Надо нам прочесть это вместе».

Восприятие природы Тургеневым совпало с тютчевским пониманием ее. Книга Тургенева заинтересовала и взволновала поэта. В декабре 1852 года он вновь возвращается к своим впечатлениям от «Записок охотника»: «Я так и думал, что ты оценишь книгу Тургенева. Полнота жизни и мощь таланта в ней удивительны. Редко встречается в такой мере и в таком равновесии сочетание двух начал: художественное чувство и чувство глубокой человечности».

В 1865 году в день ангела дочери Марии Тютчев дарит ей только что выпущенное издание сочинений Тургенева в пяти томах. 15 августа Мария Федоровна записывает в дневнике: «Торжественная обедня, мама подарила мне 100 р. Папа Тургенева новое издание». Именно этот экземпляр и хранится в мемориальной библиотеке Муранова.

В переписке дочерей поэта часто встречаются упоминания о появлении новых произведений Тургенева, а также содержатся оценки некоторых из них. В ноябре 1859 года Екатерина Федоровна Тютчева пишет сестре Анне из Москвы: «Говорят, Тургенев будет печатать в журнале <«Русский вестник»> свою повесть под названием «Накануне», она должна выйти в январе. Я думаю, ты увидишь Тургенева, т. к. он вскоре едет в Петербург, как мне сказали». С некоторыми романами Тургенева Тютчевы знакомились еще в рукописи: «Вчера нам прочитали главу из нового романа, который пишет в настоящий момент Тургенев и который озаглавлен «Отцы и дети». Эта глава поистине восхитительна воодушевлением и правдивостью, с каким она написана. Четыре или пять мельком очерченных типа переданы мастерски. Не знаю, каков будет роман в законченном виде, и признаюсь, что романы Тургенева прелестны в деталях, никогда не приходятся мне по вкусу в целом», — писала в апреле 1861 года Е.Ф. Тютчева Д.Ф. Тютчевой. Все это поз-

воляет судить о живом интересе Тютчевых к Тургеневу и его творчеству.

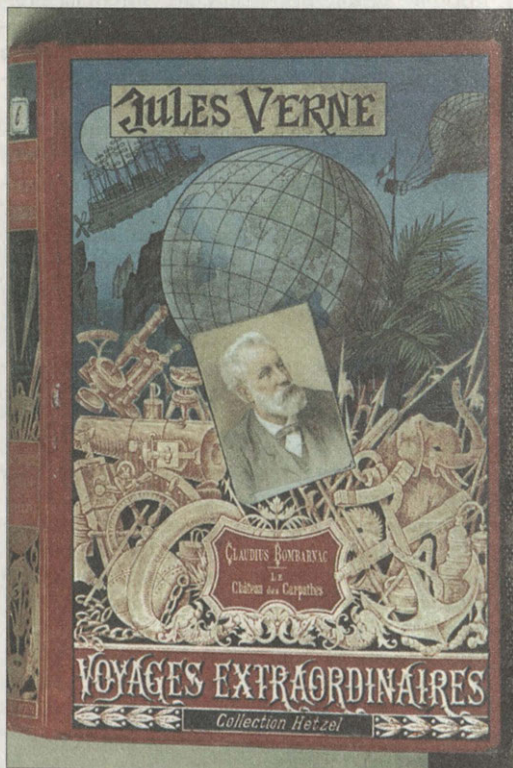
Не менее интересно и то, как относились Тютчевы к творчеству Л.Н. Толстого. Появление «Севастопольских рассказов» совпало с началом личного знакомства Толстого с Тютчевым. Сам Толстой вспоминал об этом так: «Когда я жил в Петербурге после Севастополя, Тютчев, тогда знаменитый, сделал мне, тогда молодому писателю, честь и пришел ко мне. И тогда, я помню, меня поразило, как он, всю жизнь вращавшийся в придворных сферах, говоривший и писавший по-французски свободнее, чем по-русски, выражал мне свое одобрение по поводу моих «Севастопольских рассказов», особенно оценил какое-то выражение солдат; и эта чуткость к русскому языку меня в нем удивила чрезвычайно».

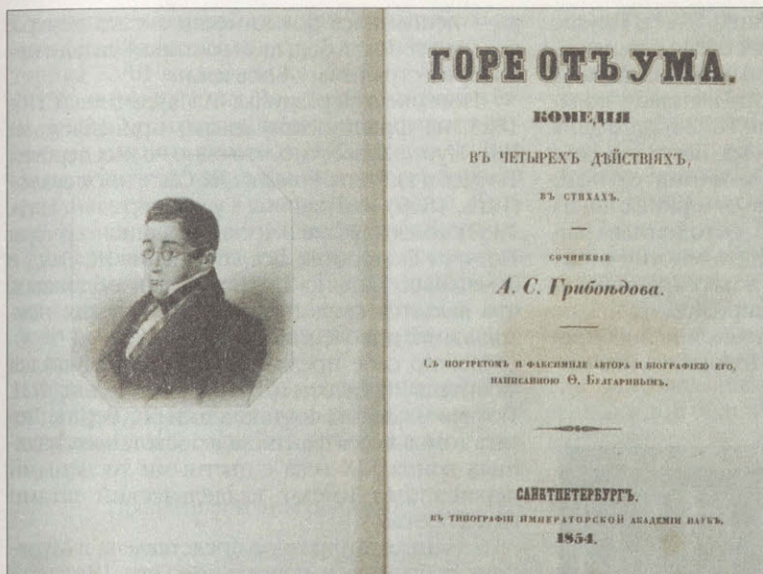
Однако не все произведения Толстого были встречены Тютчевым с таким одобрением. На повесть «Казачи» поэт отозвался острой эпиграммой:

Затею этого рассказа
Определить мы можем итак:
То грязный русский наш кабак
Придвинут к высотам Кавказа.

Не вполне одобрительно отнесся Тютчев и к роману «Война и мир». В.П. Боткин писал Фету в марте 1868 года: «Успех романа необычно-

Жюль Верн. «Необыкновенные путешествия»

А.С. Грибоедов. «Горе от ума». СПб., 1854

венный. Но от литературных людей и от военных специалистов слышатся критики. Первые находят, что умозрительный элемент романа слаб, философия истории мелка и поверхностна. Вчера у меня обедали, и был также Тютчев, и я сообщаю мнение компании.

Заслуживают внимания отклики Екатерины Федоровны, дочери поэта, мнением которой Толстой дорожил, на такие его произведения, как повесть «Семейное счастье» и роман «Война и мир». В мае 1859 года она пишет сестре Дарье: «...я закончила повесть Толстого, которая прелестна, это до такой степени сама жизнь. Огромное счастье, которое исчезает, тает без всякой причины, только потому, что для полного счастья здесь нет места».

В 1874 году Екатерина Федоровна пишет И.С. Аксакову о «Войне и мире»: «По вечерам мы с тетушкой <Д.И. Сушковой> перечитываем «Войну и мир», и я люблю Толстым и наслаждаюсь его гениальным романом вдвое больше, чем при первом чтении. Какая прелесть! Ни на каком языке я не читала ничего подобного в этом роде — да, только русским могло оно быть написано».

Сам И.С. Аксаков тоже принадлежал к числу почитателей Толстого. В письме к жене Анне Федоровне в мае 1876 года он делится своими впечатлениями от романа «Анна Каренина»: «...сегодня, урывками, удалось мне пробежать «Анну Каренину». Хорошо. Нет сильных выдающихся мест, но очень метко проведено различие между дилетантизмом в искусстве и истинным художественным творчеством, — и чрезвычайно свежо с тонким и верным анализом воспроизведено супружеское счастье Левиных, их добрые и ненастные дни. Против-

ное впечатление, какой-то диссонанс производит сцена умирания и смерти брата Левина Николая».

Приведенные отзывы помогают представить живое восприятие произведений русских классиков их современниками и ощутить ту литературную атмосферу, которая царил в кругах дворянской интеллигенции в России.

К числу друзей семьи Тютчевых принадлежал поэт Я.П. Полонский. Он был их частым гостем. В Муранове, кроме девяти томного собрания сочинений Я.П. Полонского (СПб., 1885—1886), хранится маленькая книжечка в подарочном лиловом переплете с

золотым тиснением — отдельное издание драмы Полонского «Разлад». На форзаце — дарственная: «Марье Федоровне Бирилевой. Я.П. Полонский». Он начал писать эту драму, когда гостил в имении Тютчевых Овстуг в июле 1863 года. Тогда 44-летний Полонский просил руки Марии Федоровны, но она не ответила ему взаимностью. Два года спустя она вышла замуж за Н.А. Бирилева, флигель-адъютанта, участника севастопольского сражения. Вероятно, в качестве свадебного подарка «смирившийся» Полонский и прислал ей свое сочинение в Ниццу.

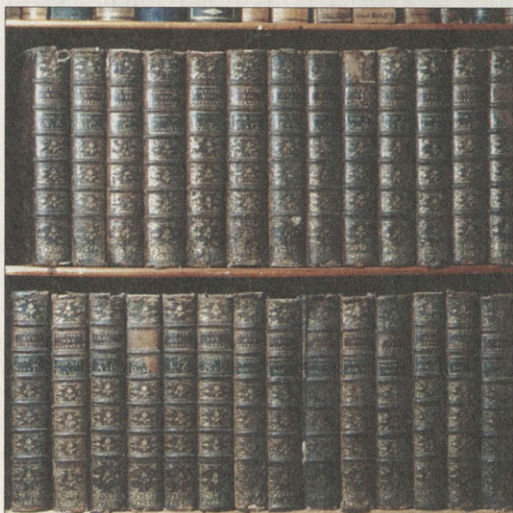
В круг чтения семей Пютят — Тютчевых входили также и замечательные западноевропейские авторы. Так как языковых барьеров не существовало, издания их произведений легко выписывались из-за границы и осваивались русскими читателями.

Среди художественной литературы на иностранных языках наиболее полно представлена французская изящная словесность, от Рабле, Мольера и Лафонтена (XVI—XVII вв.) до Мопассана, Золя и Роллана (вторая половина XIX — первая четверть XX в.). Это неудивительно, так как французский язык, модный в России со второй половины XVIII века, стал необходимой принадлежностью любого дворянина.

Большое количество этих изданий принадлежало внуку поэта Тютчеву, его полному тезке. Именно ему Эрнестина Федоровна завещала французские книги. В семье Федора Ивановича-младшего называли «французом» за исключительное знание языка и любовь к французской литературе.

С его личным штампом-экслибрисом сохранились «Пантагрюэль» Фр. Рабле (Paris, 1875)

и «Опыты» М. Монтеня (Paris, 1854). Другое издание «Опытов» находится среди книг поэта. Этот четырехтомник, также вышедший в Париже (1865—1866), Федор Иванович подарил дочери Дарье 12 апреля 1872 года, в день ее 38-летия. Первые три тома несут на себе следы очень подробного и внимательного чтения: это многочисленные отчеркивания на полях, сделанные хорошо отточенным карандашом. Примечательно, что многие отмеченные ею фрагменты близки воззрениям самого Федора Ивановича, например: «Душа, не имеющая заранее установленной цели, обрекает себя на гибель, ибо, как говорится, кто везде, тот нигде».

Философская энциклопедия XVIII в.

Классики XVII века Ж. Лабрюйер и Б. Паскаль присутствуют в мурановской библиотеке в нескольких изданиях. К Рождеству 1860 года Тютчев дарит дочери Марии «Мысли» Паскаля (Paris, 1852). Многочисленные пометы в книге выдают натуру глубокую, мистически развитую: истинную дочь своего великого отца. Сам поэт первый раз прочел «Мысли» семнадцатилетним студентом.

Двухтомник сочинений одного из первых теоретиков литературы Никола Буало Депрео — его сатиры, оды и знаменитое «Поэтическое искусство» (Paris, 1786) также относятся к юношескому чтению Тютчева.

Мистическая поэма романтика А. Ламартина «Жоселен» — о священнике, для постижения божественных путей превратившем свою жизнь в подвиг самоотречения и мученичества, — вышла в Париже в марте 1836 года. А в апреле, судя по надписи на книге, Тютчев приобрел ее в Мюнхене. «Жоселен» — книга, которую поэт хранил и перечитывал: «...третьего дня, 11-го,— писал он жене 13 июня 1843 го-

да,— исполнился ровно месяц с того вечера, как мы с тобою в большой гостиной читали некоторые страницы «Жоселена».

«Поэтические раздумья» А. Ламартина (СПб., 1821, на французском языке) принадлежали Н.В. Путьге. Известно, что одно из них перевел Тютчев в юности. Романы Ж. Санд «Консуэло» (Paris, 1869) и «Графиня Рудольфштадт» (Paris, 1869) имеют владельческие надписи дочери Тютчева Екатерины. Все сочинения Ж. Санд в бумажных, сильно потрепанных обложках, что является свидетельством их чтения несколькими поколениями «мурановцев».

Можно себе представить, как зачитывался любитель путешествий и приключений Ф.И. Тютчев-младший сочинениями Ж. Верна. Десять томов этого фантаста в роскошных изданиях конца XIX века с цветными тисненными переплетами имеют владельческий штамп внука поэта.

Немецкая литература представлена в Муранове собраниями сочинений Гёте, Шиллера, Гейне в изданиях первой половины XIX века. И Тютчев, и Боратынский посвятили стихи памяти Гёте (у Тютчева — «На древе человечества высококом...», у Боратынского — «На смерть Гёте», где дана характеристика гениального старца: «Была ему звездная книга ясна, / И с ним говорила морская волна»). Издание «Книги песен Гейне» напоминает о знакомстве и дружбе Тютчева с немецким поэтом. Тютчев был первым переводчиком Гейне на русский язык. Исторические драмы Ф. Шиллера «Валенштейн», «Мария Стюарт», «Вильгельм Телль» были в 1840-е годы подарены Эрн.Ф. Тютчевой дочери Марии.

Среди немецких авторов интересно имя свояка Ф.И. Тютчева Аполлона Мальтица. В Муранове хранится сборник его «Избранных стихотворений» (Веймар, 1873), где напечатан перевод «Весенней грозы» Тютчева на немецкий язык. Эта книга — подарок Клотильды Мальтиц своей племяннице А.Ф. Аксаковой.

Основу фонда английской литературы составляют выпуски так называемой «Библиотеки английских авторов» (свыше 350 томов), издававшейся с 1841 года в Лейпциге Бернхардом Таухнитцем. Самой усердной читательницей этой серии была Мария Федоровна Тютчева. Большинство книг названной библиотеки несут на себе ее владельческие надписи. Как особая реликвия сохраняется в Муранове подборка из одиннадцати томов, составлявшая ее последнее чтение. На корешках книг тиснение: «Май 1872 г.».

В английском разделе библиотеки имеется ряд собраний сочинений Байрона, воспоминания о нем Томаса Мура, друга поэта, и ряд других книг мемуарного и биографического характера. Известно, какой популярностью пользовался английский поэт у русской читающей публики. Тютчевым сделан перевод одного стихотворения Байрона «В альбом друзьям».

С большим интересом читали Тютчев и его семья фундаментальный труд английского историка XVIII века Эдварда Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи» (Paris, 1840). Хранятся в библиотеке и многочисленные издания романов В. Скотта и Ч. Дикенса в английских подлинниках и во французских переводах. Рассказы для детей «Ранние уроки» (Paris, 1836) известного автора семейных романов Марии Эджуорт составляли чтение юной Ольги Пугача. Эти сочинения, отмеченные глубоким проникновением в детскую психологию, впоследствии пригодились ей при воспитании детей.

Превосходно владела английским и Екатерина Федоровна Тютчева. Приложением этого знания стала ее работа («mon travail» — как

она называла ее по-французски) над переводами проповедей митрополита Филарета (Дроздова). Книга под названием «Philaret. Select sermons by the late Metropolitan of Moscow, Philaret. Translated from the Russian» вышла в свет в Лондоне в начале лета 1873 года. Она содержит краткую биографию митрополита и более тридцати его проповедей.

Один из двух экземпляров этого издания, хранящийся в мурановской библиотеке, имеет дарственную подпись Эрнестине Федоровне от переводчицы: «Да смягчит чтение этой книги горечь твоих сожалений, оживляя надежду на вечную жизнь, в которой ты соединишься с теми, кого оплакиваешь! Предпринимая этот перевод в дни боли и скорби, я обрела в нем мир Господень: да наполнит этот светлый мир твою

душу! [до сих пор по-французски, далее — по-русски] Блаженны плачущие, яко тии утешатся». — Царское Село 29-го июня 1873». Во второй экземпляр вклеены восторженные отзывы из английских газет.

Следует отметить, что все «мурановцы» отличались искренностью и глубиной веры. Духовные книги были существенной частью усадебной библиотеки. Большое место в ней (около 700 томов) занимает святоотеческая литература. Это творения великих отцов Церкви: Иоанна Златоуста (пятнадцать томов, изданных в 1840-х годах), Василия Великого (семь томов, опубликованных в 1850-х годах), Григория Богослова (шесть томов, увидевших свет в 1840-х — 1860-х годах), Григория Нисского (четырнадцать томов, выпущенных в 1871 году) и др.

В числе книжных редкостей нельзя не упомянуть такое замечательное издание, как Псалтырь на японском языке — подарок И.С. Аксакову православного миссионера в Японии епископа Николая (епископ, а затем архиепископ Николай был причислен к лику святых равноапосто-

Проходная комната на втором этаже главного дома

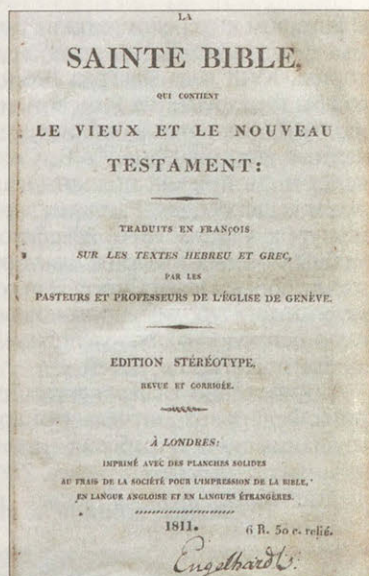
лов 3 февраля 1912 года). На Псалтыри сохранилась дарственная надпись: «Высокочтимому Ивану Сергеевичу Аксакову с чувством глубочайшего уважения и преданности препровождает переводчик, Начальник Российской Духовной Миссии в Японии, Николай, Епископ Ревельский. 30 октября 1885 г. Тоокё».

Интерес к жизни других народов был отличительной чертой «мурановцев». Все они любили путешествовать и предавались «искусству странствий» основательно, изучая историю, обычаи и достопримечательности далеких стран. Можно было путешествовать и умозрительно. Например, с Генри Стенли и его книгой «Как я отыскал Ливингстона» (СПб., 1875), в которой живо рассказана история поисков экспедиции исследователя и миссионера Африки Давида Ливингстона. Перелистывая прекрасно иллюстрированную книгу «Во мраке ночи и во льдах» (СПб., 1897), можно было отправиться к Северному полюсу вместе с норвежским путешественником Фритьофом Нансеном.

Книги по географии выделены в Муранове в особый «географический шкаф», стоящий в прихожей и символически предвосхищающий путешествие по дому-музею. Содержимое шкафа включает как фундаментальные издания, охватывающие описание Земли и ее населения в целом, так и книги по отдельным странам. К первой группе относятся: «Универсальная библиотека путешествий в разные части света» (Paris, 1833—1837, 46 томов) Альбера Монтемона — известного французского литератора, полиглота и переводчика, занимавшегося общими вопросами языка и философии, много путешествовавшего. В Муранове сохранились тома «Универсальной библиотеки путешествий» — в бурых кожаных переплетах с золотым тиснением середины XIX века (ее последний владелец — Ф.И. Тютчев-внук). Одно из географических сочинений А. Монтемона было и в библиотеке Пушкина.

Другое фундаментальное издание — «Новая всемирная география: Земля и люди» (Paris, 1876—1894, 19 томов) французского географа и социолога Жана Элизе Реклю — увесистые тома, «одетые» в красные кожаные переплеты с золотым тиснением конца XIX века.

Интересны и насыщенные самой разнообразной

Библия, принадлежавшая Л.Н. Энгельгардту

информацией находящиеся в библиотеке подробные путеводители по Германии и отдельным ее городам: Бранденбургу, Рейхенхалю, Мюнхену. Имеется даже описание путешествия по Рейну известного составителя и издателя путеводителей Карла Бедкера.

Мемориальная библиотека богата книгами о России, как общего обзорного плана, так и по отдельным «городам и весям». Например, по Петербургу, Киеву и Москве. Здесь встречаются и серьезные исследования — «История города Москвы» известного ученого-историка И.Е. Забелина (М., 1902) и «Описание Киева» Н.В. Закревского — археолога и этнографа (М., 1868).

Среди книг Ивана Федоровича Тютчева — «Путешествие Г.С. Карелина по Каспийскому краю» с дарственной от сына автора: «Безмерно уважаемому и очень любимому Ивану Федоровичу Тютчеву от С.Г. Карелина». Григорий Силыч Карелин был знаменитым естествоиспытателем и путешественником. Два десятилетия он посвятил изучению природы Каспийского края.

Неразрывную связь географии с историей иллюстрирует популярное описание Российской империи, сделанное английским журналистом сиром Дональдом Макензи Уоллесом, путешествовавшим по России в 1870—1875 годах («Russia». London, Paris, New York, 1877). В мурановской библиотеке оно представлено в нескольких экземплярах, принадлежавших дочерям и внукам поэта Тютчева. За сорок лет до него вышла нашумевшая и неоднозначно воспринятая современниками (даже Тютчевым) книга маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году» (Paris, 1843, четыре тома). Она дает контрастные картины русской жизни николаев-

ского царствования, беспощадно подмеченные европейцем.

В целом исторические трактаты составляют порядка тысячи томов. Это издания по истории Франции, Англии, Японии, Германии, Китая, Римской империи.

Фундаментальные труды по истории России представлены именами Н.М. Карамзина — «История государства Российского» (первое издание в двенадцати томах. СПб., 1829); Н.А. Полевого — «История русского народа» (М., 1829, в двух томах); С.М. Соловьева — «История России с древнейших времен» (СПб., 1897, в 29 томах). Есть и первое издание соловьевской истории 1850-х годов, и издание конца XIX века, принадлежавшее Ф.И. Тютчеву-внуку. Тут и трактат Д.И. Иловайского — «История России» (в 6 т., М., 1890—1906). Пятый том этого издания «Алексей Михайлович и его преемники. 1645—1689» несет на себе дарственную надпись автора И.Ф. Тютчеву. А рядом стоит «несерьезная» книга о государе-реформаторе: голландский писатель J. Scheltema собрал «Исторические анекдоты о Петре великом и о его путешествии по Голландии и Заандаму в 1697 и 1717 годах» (Лозанна, 1842). Это издание интересно вдвойне: с одной стороны, оно переносит нас на судостроительные верфи в местечко Заандам, севернее Амстердама, где в 1697 году побывал Петр I, с другой — на нем примечательная дарственная надпись С.А. Полторацкого: «Николаю Путяте Сардам-Заандам, — в воспоминание доброго гостеприимства в Муранове. СПб. 26 октября 1849 от 1 1/2-цого».

С именем Н.В. Путяты связаны еще два издания. Первое — «Осьмнадцатый век: Исторический сборник, издаваемый Петром Бартеневым» (М., 1868) — с дарственной издателя Н.В. Путяте. Второе: «Девятнадцатый век» (М., 1872, в двух томах), где напечатано исследование Н.В. Путяты: «Обозрение жизни и царствования имп. Александра Первого» — с авторской правкой текста.

По семейному преданию, именно Н.В. Путяте принадлежало большинство книг по естественным наукам. Он был выпускником Училища для колонновожатых, которое давало серьезное естественнонаучное образование. Живым подтверждением этому служит маленькая книжечка — парижское издание

«Таблицы логарифмов», составленной в 1805 году и переизданной через десять лет, когда Николаю Васильевичу было 13 лет. На титульном листе видна владельческая надпись: «Nicolas Poutiata».

Неотъемлемой частью библиотеки являются словари, как языковые (1860-х гг.), так и по разным областям знаний. Среди них: известный «Энциклопедический лексикон» А.А. Плюшара в 16 томах (издававшийся в Петербурге в 1835—1841 годах и окончившийся на букве «Д»). Огромную ценность представляет труд В.И. Даля «Словарь живого великорусского языка» в четырех томах (М., 1863—1866), переходивший от старших Тютчевых к младшим. Последний его владелец, Ф.И. Тютчев-внук, отменил все тома своим штампом.

К раритетам мурановской библиотеки относятся и знаменитая Французская энциклопедия (Paris, 1751—1780). До наших дней сохранились двадцать восемь томов из тридцати пяти. Это фолианты в цельнокожаных переплетках. Авторами ее статей были известные французские просветители, ученые — Д'Аламбер, Дидро, Руссо, Вольтер, Монтескье, Бюффон и др. Полное название издания: «Энциклопедия, или Систематический словарь наук, искусств и ремесел, выбранный из лучших авторов и особенно из английских словарей обществом ученых и расположенных по порядку». В предисловии говорится: «Цель Энциклопедии — объединить знания, рассеянные по поверхности земной, изложить их в общей системе для людей,

с которыми мы живем, и передать их людям, которые придут за нами: дабы труды минувших веков не были бесполезны для веков грядущих, дабы наши потомки, став образованнее, стали также доброжелательнее и счастливее и чтобы мы могли умереть в сознании исполненного пред человечеством долга».

Завершая краткий обзор мурановской мемориальной библиотеки, можно напомнить слова одного из давних почитателей Муранова: «Неспешная обеспеченная усадьба жизнь, с ее доступом, с возможностью путешествовать, тщательное домашнее образование, изучение многих языков, обширное чтение: все это образовывало в людях глубину, разностороннюю культуру» («Столица и усадьба». 1915. № 33).

Старинный светильник из библиотеки